

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Baku State University

NATIONAL CULTURES IN SOCIAL SPACE AND TIME

Materials of the VI international scientific conference
on March 1–2, 2019

Prague
2019

National cultures in social space and time: materials of the VI international scientific conference on March 1–2, 2019. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2019. – 42 p. – ISBN 978-80-7526-375-9

ORGANISING COMMITTEE:

Khikmet A. Alizade, doctor of pedagogical sciences, professor, dean of social sciences and psychology department of Baku State University.

Kyzylgyul Ya. Abbasova, candidate of philosophical sciences, assistant professor of sociology department of Baku State University.

Azad A. Rzayev, doctor of historical sciences, professor, dean of historical department of Baku State University.

Zabil G. Bayramly, associate professor of Azerbaijan history department of Baku State University.

Ilona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines national cultures in social space and time. Some articles deal with general theoretical interpretation of the essence of culture. A number of articles are covered interaction and interference of civilization and culture. Some articles are devoted to the role of language and religion in formation of national culture. Authors are also interested in folk art as a source of development of the national culture.

UDC 37

ISBN 978-80-7526-375-9

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2019.

© Group of authors, 2019.

CONTENTS

I. NATIONAL-ETHNIC AND UNIVERSAL CONTENT OF CULTURE

Орифжонова Г. Р.

Роль этнографических музеев в демонстрации национально-этнической культуры5

II. ROLE OF CULTURE IN FORMATION OF ETHNIC IDENTITY

Андреева О. В.

Советская культура второй пол. 1960-х – первой половине 1980-х гг.: «застой» или духовная зрелость общества?8

Гусева А. Ю., Тесленко Т. И., Рустамова Н. Ю., Янбухтина Р. Ф.

Значение идеи народности К. Д. Ушинского для современного образования 17

Ли Ч.

Пленэрная опера в Китае как объект исследования 19

III. BASIC PRINCIPLES OF STATE POLICY IN THE FIELD OF CULTURE

Медушевский Н. А.

Курс «Современная информационная политика в странах ЕС» и его методологическая значимость 24

IV. CUSTOMS, TRADITIONS, CELEBRATIONS AND HOLIDAYS AS FORMS OF NATIONAL CULTURE

Латыпов Ф. Р.

Обычаи, традиции и лексика древних иберов, обнаруживаемые при описании их национального праздника «Келти-Белеш» 28

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2019 году..... 37

Информация о научных журналах	39
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	40
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	41

I. NATIONAL-ETHNIC AND UNIVERSAL CONTENT OF CULTURE

РОЛЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ В ДЕМОНСТРАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. Р. Орифжонова

*Докторант (Phd),
Национальный институт художеств
и дизайна им. Камолиддина Бехзада,
г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. Ethnographic collections are systematic collection of items that represent the culture of a particular ethnos or ethnic group. Ethnographic collection items are significant in the field of the museum, with preservation of ethnographic information. Ethnographic collection artifacts have specific features, ethnos are important as a means of characterizing the culture.

Keywords: ethnography; ethnographic collections; ethnographic objects; museum; object; fund; exposition; expedition.

Этнография является дисциплиной, изучающая все народности мира, различные типы этнических единиц, их происхождение (этногенезис), образ жизни, обычаи, их различия или общность, а также сходство между собой, их особенности независимо от уровня материального и духовного развития.

Основные области этнографии:

- этногенез и этнические процессы с древнейших времен до наших дней;
- изменения в материальной культуре народа (пище, одежде, жилище);
- традиционное хозяйство народа (земледелие, скотоводство, ремесло, торговля);
- проблема семьи – основной этнической ячейки общества: формы и типы семьи, семейный быт, семейные отношения, функции семьи, брак, семейная обрядность, воспитание детей;
- общественный быт, соседская община, формы и функции ее на различных этапах истории;
- народная духовная культура: народные знания, народное творчество, праздники (календарные, общественные, государственные, религиозные) обряды, ритуалы, народные игры, верования, религия, религиозная обрядность, народная этика и этикет, традиционные морально-нравственные нормы, народная медицина [1, с. 12].

Этнографическое музееведение – это наука по расшифровке образных кодов чужих культур, данных в материальных предметах, а также ис-

кусство демонстрации этих кодов в музейной экспозиции через правильно подобранные комплексы вещей. Проблема связи научного знания о вещах с самими вещами в музейном контексте по-прежнему остается насущной [4, с. 275].

Музеи по хранению этнографического материала в фондовом хранилище и показу их в экспозиции делятся на три группы:

Музеи, целью которых является – демонстрация многообразия этносов, составляющих основу экспозиции этнографического материала;

Музеи, в экспозициях которых есть этнографический материал и которые затрагиваются только лишь в рамках какой-либо темы;

Музеи, в которых есть этнографические предметы, но по своей специализации и концепции, не имеющие никакого отношения к традиционному образу жизни и этнической культуре [3, с. 31].

Этнографические музеи отражают образ жизни, жилье, оборудование для повседневной жизни, одежду, занятия и культурную жизнь определенного этнического происхождения или разных народов. Это, в свою очередь, сохраняет и отображает материальную и нематериальную культуру этноса. Именно этнографические музеи пытаются передать зрителям индивидуальные особенности соответствующие только одной этнической группы. Поэтому музеи этой специальности ставят перед собой целью показать национально-этническую культуру. Для достижения этой цели используют множество методов и моделей в музеологии. Этнографические музеи не только представляют этническую своеобразность, культуру, но и также определяет научное исследование как его направление.

С начала XIX в. французские и скандинавские организаторы науки начинают регулярно обмениваться наработанным опытом и делиться мнениями относительно перспектив будущего развития этнографических музеев в целом. Французы взяли за образец работы датских ученых, при этом скандинавы, в отличие от французов, в первую очередь ориентировались на развитие науки, а пропаганда патриотических чувств была для них менее важной. Именно датскую модель начал активно внедрять у себя на родине Ами (Наму), который уловил тенденцию времени и прекрасно понимал, что нужно в первую очередь *изучать* различные культуры, а не просто их демонстрировать [2, с. 71].

That is why ethnographic museums are an institution that studies ethnos-based material and non-material culture. Ethnographic museums carry out scientific research to embody the complete and accurate life of the ethnos. At first, during the expedition, ethnos lifestyle materials are collected, studied and displayed at the exposition. Ethnographic museums are the unique institution specializing in the demonstration and study of national-ethnic and universal culture.

Bibliography

1. Карабаев У. Этнокультура. – Т.: Шарк, 2005. – 240 с.

2. Матвеева П. А. Всемирные выставки как прототипы этнографических музеев. // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/
3. Молчанова Н. В. Проблемы экспонирования этнографических предметов в музеях Российской Федерации / Маг. диссертация. – Санкт-Петербург, 2016.
4. Москвитина А. Ю. Компаративное этномузеевидение и этноискусствоведение (на примере материальной культуры народов тропической Африки). // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-228-9/

II. ROLE OF CULTURE IN FORMATION OF ETHNIC IDENTITY

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ.: «ЗАСТОЙ» ИЛИ ДУХОВНАЯ ЗРЕЛОСТЬ ОБЩЕСТВА?

О. В. Андреева

*Старший преподаватель,
Санкт-Петербургский
электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
г. Санкт-Петербург, Россия*

Summary. In the post-Soviet historiography the period of the second half of 1960s and the first half of 1980s is connected with the Era of Stagnation. In the article cultural phenomenon of this Era is presented from the perspective of literature, cinema and music in which reflected problems and expectations of a modern man, his spiritual quest. The Soviet culture is considered as a part of world culture. Moving in the same direction with a worldwide process. The Soviet culture held the leading positions in the world. In this context a question therefore arose whether this cultural period was a reflection of the Era of Stagnation or a sign of a society mental maturity. In a domestic or foreign historiography the definition of «stagnation» is to be subject to analysis which is reflected in this article. The article has provided objective analysis that helps us to understand past and present status of Russian culture.

Keywords: Soviet culture; stagnation; national culture; national identity; spiritual values.

Период второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг. в советской истории принято называть «эпохой застоя». Это клише, появившееся в годы «перестройки», в историографии связывают с правлением Л. И. Брежнева (1964–1982 гг.). Прошедшие десятилетия, отделенные от постсоветской России полувековой исторической дистанцией, приобретают свой новый, подлинный смысл на фоне драматических потрясений 1990-х гг. и распада СССР. Понимание этого вызывает стремление переосмыслить эпоху «застоя».

Пересмотр отдельного периода в истории, его смыслов представляет собой частный случай общей профессиональной задачи историков: подвергать сомнению устоявшиеся истины, особенно в эпоху перемен. Ибо, как писал А. Я. Гуревич, «историки мы постольку, поскольку можем по-новому трансформировать и интерпретировать материал, проникнуть в такие глубины, таящиеся в исследуемых нами источниках, которые доселе не были изведаны, и по-новому их рассмотреть» [5, с. 58].

В отечественной историографии складывается понимание того, что термин «застой» решал идеологические задачи. Категория застой – это «логическое продолжение традиций советской исторической школы и про-

изводное формационного метода. Его суть – продолжение процесса развития на базе советских экономических отношений и соответствующего им механизма» [4, с. 105]. Задача современного историка состоит в том, чтобы, избегая идеологических стереотипов, воссоздать объективную картину советского прошлого на основе новейших методов познания.

Тем более, как это порой случается в отечественной истории, истина приходит к нам «со стороны». В зарубежной историографии 2000-х годов появились коллективные монографии британских и американских исследователей, в которых утверждается, что М. С. Горбачев переоценил степень кризиса советской модели социализма. Я. Тэтчер в работе «Переосмысленный Брежнев» (2002) оценивает период его правления как «золотую эпоху советской системы» [14, с. 37]. М. Сэндл приходит к выводу об ошибочности представлений о монотонности, серости и безликости интеллектуальной жизни при Брежневе [14, с. 42]. К аналогичным выводам склоняются американские ученые. В работе «Советское общество в эпоху позднего социализма. 1964–1985» (2014) они, применяя междисциплинарный подход для изучения повседневной жизни людей, оспаривают представления об этом времени как о времени стагнации, с «подавлением граждан», «жалких конформистов» [14, с. 42].

Объективный анализ эпохи Брежнева особенно актуален для исследования духовных феноменов, отличающихся наибольшей сложностью. Здесь воздействие различных сфер жизни, как внутреннего социума, так и внешнего, проявляет себя не в одномерном и прямолинейном, а в концентрированном и опосредованном виде. Пространственно-временные структуры существования конкретного социума определяют специфику его материальной и духовной культуры. Они влияют на ментальность людей, на их представления об окружающем мире, пространстве и времени, способствуют их пониманию собственной личности в системе этих координат.

Изучение духовных процессов требует современной методологии исследования. В статье используются формационный, цивилизационный подход, а также методы, выработанные зарубежными учеными. При этом следует иметь в виду, что простое смешение различных методов, без их системного анализа, не приводит к исторической истине. Так, представитель французской «школы Анналов» Жак Ле Гофф, раскрывая концепцию «тотальной истории», отмечал, что она рассматривает различные процессы (материальную культуру и технику, экономику, повседневную жизнь и художественную культуру), не устанавливая между ними ни отношений детерминизма, ни даже иерархии. «В особенности она избегает понятий «базиса» и «надстройки», которые насилуют постижение исторических структур и их взаимодействие» [8, с. 6].

На наш взгляд, критика формационного подхода, в данном случае, вызвана не столько несостоятельностью марксизма, который всегда рассматривал эти базовые категории в их взаимосвязи и относительной само-

стоятельности, сколько его упрощенным и даже вульгарным пониманием, имевшем место в отечественной историографии.

Однако возможности марксистского подхода для получения многомерной картины прошлого, особенно духовной сферы, ограничены. Здесь исследователь вправе использовать методы «школы Анналов» (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, Жак Ле Гофф), поскольку она приоткрыла завесу в тех областях жизни, которые ранее не изучались. Ученые реконструировали «тотальную историю», в орбиту которой попадала материальная и духовная жизнь; городская и сельская культура; культура повседневности и ментальность людей отдаленной эпохи. Описательную историю ученые заменили проблемной историей. Они обращались к прошлому с проблемой, актуальной для настоящего времени.

При изучении мировых феноменов «школа Анналов» использовала междисциплинарный подход. Ф. Бродель, обладая универсальными знаниями, опирался на демографию, экономику, географию, этнографию, социологию. Это позволило ему выявить новые закономерности развития. Рассматривая социальные формы жизни в органическом единстве с природной средой обитания, ученый писал, что человек – пленник своего времени, климата, растительного и животного мира, культуры, равновесия между ним и средой, создаваемого в течение столетий, равновесия, которого он не может нарушить, не рискуя многое потерять [13, с. 152].

Бродель предложил новое понимание «исторического времени», которое перестало восприниматься как внутренне непротиворечивый, линейный и необратимый процесс. Он выделил в нем «географическое», «социальное» и «индивидуальное» время [3, с. 21]. Появились понятия «времени очень большой длительности» (медленно текущая история, «геоистория»). «Время большой длительности» (медленно изменяющаяся во времени структура, близкая понятию «цивилизация»), где время имеет нелинейный и циклический характер. «Событийная история» («дымящаяся история», «пыль»), которую характеризуют кратковременные, пульсирующие колебания. События здесь происходят в сжатые промежутки времени и имеют линейный характер [12, с. 138, 139, 140].

Эти идеи изменили подход к истории. В его основе лежало «более гибкое, вероятностное представление о развитии человеческого общества: переход от одной формы общественного бытия к другой перестал мыслиться абсолютно предопределенным, не знающим колебаний законом, но более или менее вероятностным и потому допускающим разнообразные отклонения и вариации» [15, с. 19]. Признавая, что отечественная наука отдает предпочтение концепции времени М. М. Бахтина (времени, в котором «развивается созидательный диалог культур»), российские исследователи рассматривают «время большой длительности» Ф. Броделя как методологический принцип исторического и в целом социально-гуманитарного познания [12, с. 144, 146].

Методология «школы Анналов» вполне допустима и на уровне «событийной истории». Применительно к интересующему нас периоду отметим, что хронологические рамки «застоя» не могут определяться сменой политического руководства страны. Любой исторический период содержит в себе элементы прошлого, настоящего и будущего. Поэтому «эпоха Брежнева» должна рассматриваться в контексте исторического опыта русской модели социализма. Неповторимый облик «временной эпохи» складывается под воздействием неравномерности развития различных сфер жизни. Ритмы духовных, культурных процессов могут отставать от процессов социально-экономических и политических, могут опережать их или иметь разно направленный характер. Следовательно, застойные явления в них проявляются по-разному.

В исследовании культурных феноменов важнейшую роль играет цивилизационный подход. Отечественная историография рассматривала проблемы исторического развития России в контексте взаимосвязи общества, человека, окружающей среды и геополитического пространства. Н. Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» (1869) среди множества самобытных культур и цивилизаций в истории человечества особые надежды возлагал на будущее славянского культурно-исторического типа, России. Выделяя четыре основания деятельности цивилизаций (религиозную, культурную, политическую и общественно-экономическую), он полагал, что в славянском культурно-историческом типе они соединятся органическим образом [6, с. 454, 489].

В судьбе России парадоксальным образом соединились различные культурные влияния. Н. Я. Данилевский, как идеолог панславизма, указывал на живительные связи с византийской и греко-римской культурой. Западники подчеркивали благотворное воздействие на Россию романо-германского мира, западноевропейской цивилизации. Дискуссия, начатая в XIX веке, продолжается до настоящего времени, охватывая всю совокупность жизнедеятельности российского социума как особой цивилизации. При всей своей самобытности, Россия является частью европейского и мирового сообщества. Однако ее история несет на себе отпечаток и восточных влияний, что предопределяет специфические коды развития. Современные исследователи, иронично называя Россию «вечным подростком мировой культуры», отмечают свойственные ей противоестественные сочленения: «соединение общества, тяготеющего к западному типу, с государственностью восточного типа» [11, с. 69].

Отмеченные концептуальные моменты важны для понимания российской истории, в том числе, «эпохи Брежнева», которая напоминает о себе в ментальности россиян, преломляясь в ностальгии по прошлому. Что же такое ностальгия и каковы причины ее появления? Ностальгические переживания, по мысли исследователей, относятся к эмоциональной составляющей взаимодействия с прошлым. Они могут иметь личный характер, быть частью психологических переживаний, а также могут стать частью

коллективной идентичности (классовой, поколенческой, национальной), будучи согласованными с всеохватывающими историческими нарративами [1, с. 103]. Слово «ностальгия», подчеркивают ученые, происходит от греческих слов *nostein* (возвращение «домой») и *algia* (болезненное состояние) и означает острое желание вернуться «домой». Оно возникает, когда человек утрачивает связи со своей культурой, либо она сама изменяется до неузнаваемости. Крах СССР и «смерть советской культуры», по наблюдению ученых, повлек за собой массовую дезориентацию и разрушение идентичности на уровне индивида и группы [7, с. 79]. Осмелимся предположить, и на уровне национальной идентичности. Это дает ученым основание утверждать, что восстановление *национально-психологической идентичности* на всех уровнях социальной жизни в постсоветской России – необходимое условие возрождения нормального общественного климата [9, с. 113].

Что же мы потеряли в современной духовной жизни, если обращаемся к опыту «застоя»? Отражает ли этот термин все многообразие культурных процессов, взятых в контексте современной эпохи? Означает ли ностальгия по прошлому, помимо всего прочего, что культура «позднего социализма» была наиболее органична самобытной российской цивилизации? Можно ли предположить, что эта культура вобрала в себя существенные черты национальной идентичности? Можно ли предположить, что в ней сконцентрировались духовные ценности различных народов многонациональной, многоконфессиональной, полиэтнической страны? Скорее всего, и то, и другое.

В российской культуре коренные основы бытия всегда поднимала литература. Художественными средствами она отражала наиболее значимые проблемы современного мира, российского социума, духовно-нравственные поиски человека. Являясь художественной формой отражения действительности, литература аккумулировала в себе все богатство традиций различных этносов, народов и национальностей разноликой страны. Глубокая связь с народными корнями дополнялась ее гражданской направленностью. Воздействуя на формирование личности, литература раскрывала понятия, образы и характеры, обусловленные особенностью национального самосознания. При этом она была лишена национальной замкнутости и ограниченности, оставаясь открытой для взаимодействия с мировой культурой. Опираясь на великие традиции реализма, литература показывала человека, социальную группу или целостный общественный организм через призму гуманистических ценностей и нравственных идеалов.

Советская литература продолжила эти традиции. По признанию ученых, в «эпоху Брежнева», когда писатели, разрушив идеологические стереотипы 1920-х – 1930-х гг., обратились к наследию XIX века, проросли ростки современной литературы. Это время «даровало отечественным художникам сознание необходимости возвращения к своим корням и истокам, к национальным духовным традициям русской литературной классики» [2, с. 302]. Преодолевая узкие рамки классового, партийного подхода,

художники создавали неповторимые образы современного человека, далекие от одномерности и примитивизма прошлых лет.

Ведущей для писателей оставалась военная проза. Четверть века, прошедшая после Великой Отечественной войны, дала возможность по-новому осознать причины поражений в начальный период войны, пережить горечь утрат, осмыслить подвиг советских людей и их нравственную высоту. К. Симонов завершил монументальную трилогию «Живые и мертвые». В. Быков обратился к философской проблеме нравственного выбора в духе экзистенциализма («Сотников»; «Дожить до рассвета»; «Пойти и не вернуться»). А. Адамович («Блокадная книга», совместно с Д. Граниным; «Хатынская повесть»; «Каратели») раскрыл звериный облик фашизма, используя документальные материалы. Б. Васильев («А зори здесь тихие...») показал величие женского подвига на войне. В. Распутин («Живи и помни») исследовал «изнаночную» сторону войны через деградацию личности дезертира и духовно-нравственные страдания его родных. Эти произведения были переведены на десятки языков мира, воплотились в кинематографические и сценические образы, составив золотой фонд отечественной культуры.

В «деревенской прозе» писатели отразили драматическую судьбу русской деревни и крестьянства, на долю которого выпало немало горьких испытаний. Эти произведения были пронизаны состраданием к народу, показывали красоту его души, обращались к традиционным ценностям, связанным с понятиями добра и зла, чести и достоинства, совести и милосердия, любви к ближнему, природе и родному краю. В них звучала и тревога за нарастающую деградацию и распад традиционных устоев жизни. В этом направлении работали Б. Можаяев, В. Белов, В. Шукшин, С. Залыгин, В. Распутин, В. Астафьев, Ф. Абрамов.

Условно-метафорическая проза позволила Ч. Айтматову поднять философские проблемы бытия через фольклорно-мифологические мотивы и образы, фантастические персонажи («Белый пароход»), предостеречь общество от исторического беспамятства («Буранный полустанок»).

Рубеж 1960-х – 1970-х гг. обозначил поворот к консервативному курсу. Его внешнеполитические аспекты отражали опасение за будущее страны в условиях нарастания кризисных явлений в мировой системе социализма. Стремясь сохранить стабильность системы, политическая элита пошла на свертывание хозяйственной реформы 1960-х гг. и меры в духе «неосталинизма». Рассматривая литературу как важнейшее средство идеологического воздействия, политическое руководство страны стало ужесточать цензуру и ограничивать критику прошлого. Возврат к политическим репрессиям после XX съезда КПСС был невозможен. Власть применила к инакомыслящим иные «сдерживающие» механизмы: от партийных «проработок» и запрета литературных публикаций до высылки из страны и лишения гражданства. В условиях снятия «железного занавеса» борьба с инакомыслием вызывала обратный эффект. Отсутствие страха перед ре-

прессиями, внутренняя свобода творчества, появление диссидентства, сам-издатовской литературы – все это раздвигало границы «дозволенного» и делало карательные меры бессмысленными.

Литература мужественно подняла тему политических репрессий. Достаточно вспомнить А. Солженицына («Раковый корпус», «В круге первом», «Архипелаг Гулаг»), лауреата Нобелевской премии (1970). Его работы вызвали эффект «разорвавшейся бомбы». Опубликованные за рубежом, на родине они увидели свет в 1990-е гг. Одним из лучших произведений этих лет стал «Дом на набережной» Ю. Трифонова.

Попытка сохранить отжившую систему была обречена на провал. В последней трети XX века мир вступил в эпоху постиндустриального общества, черты которого проявились и в СССР. Стремительный поток времени, глубокие социокультурные сдвиги отразила «городская проза». А. Битов («Пушкинский дом») одним из первых в русской литературе применил приемы нового культурного явления – постмодернизма. Как и многие произведения тех лет, оно увидело свет в 1990-е гг.

Духовные перемены в общественном сознании подготавливала поэзия, которая в эти годы пережила подлинный расцвет. Широкий резонанс вызывали стихотворения Б. Ахмадулиной, И. Бродского, лауреата Нобелевской премии (1987), А. Вознесенского, Р. Рождественского, Е. Евтушенко. Кумиром молодежи стали барды Е. Клячкин, Ю. Визбор, Б. Окуджава, А. Галич, В. Высоцкий, А. Городницкий. В их авторских песнях звучали ритмы современной эпохи, пульс общественной жизни, протестные настроения. Так, на события «Пражской весны», одновременно (23 августа 1968), А. Галич откликнулся «Петербуржским романсом», а Е. Евтушенко – стихотворением «Танки идут по Праге». В песнях бардов звучала неизбывная горечь любви к Отечеству. Предвидя эмиграцию, А. Галич оставил ностальгическое послание (декабрь 1973):

«...Когда я вернусь, я пойду в тот единственный дом,
Где с куполом синим не властно соперничать небо,
И ладана запах, как запах приютского хлеба,
Ударит меня и заплещется в сердце моем...
Когда я вернусь... О, когда я вернусь...».

Классическая музыка находилась в общем потоке развития культурных процессов. Ее представляли композиторы самообытного и яркого дарования: Д. Шостакович, Г. Свиридов, В. Гаврилин, Б. Тищенко, Р. Щедрин, С. Губайдулина, Э. Денисов, А. Шнитке. Являясь по своей природе духовным феноменом, музыка позволяла посредством музыкальных форм, ритма и мелодики передать глубинные основы национальной культуры. При этом, как отвлеченная идеальная форма, музыка давала уникальную возможность композитору проявить творческое кредо открыто и безбоязненно. Поэтому, как ни парадоксально, именно в музыке, в концентрированном виде, выразились все важнейшие тенденции современного искусства XX века и стремительность его перемен. В этой связи вряд ли уместно го-

ворить о застойных явлениях в этой сфере. Именно музыка обеспечила тот духовный прорыв, который своей живительной силой питает музыкальную жизнь и постсоветской России.

В музыкальном полотне времени 1960-х – 1980-х гг. отчетливо переплелись два направления: классическое и авангардистское. Наиболее ярко они воплотились в творчестве Г. Свиридова и А. Шнитке. Их музыка как будто отразила две основы отечественной культуры, российской цивилизации: византийскую и западноевропейскую.

Музыка Г. Свиридова (православного по вере) органично соединила русские народные традиции, фольклор с духовными ценностями византийской (античной) цивилизации. Отсюда – необычайно образный музыкальный язык. С одной стороны – аскетизм, идеальность формы и ритма, четкий канон, подобно иконописной живописи, философская глубина и одухотворенность. С другой стороны – гениальная простота народных мотивов, колоритный фольклор и яркий этнографический материал в песенном творчестве. Неслучайно его искусство продолжает традиции русской классики XIX–XX веков с ее демократизмом, народностью и гуманистическими устремлениями.

После долгих лет забвения, связанных с идеологическими установками на творчество «пролетарских поэтов», Свиридов одним из первых в вокальных произведениях обратился к творчеству выдающихся русских поэтов. Таковы кантаты: «Грустные песни» (на стихи А. Блока), «Деревянная Русь» (на стихи С. Есенина); поэма «Отчалившая Русь» (на стихи С. Есенина), романс (на стихи Ф. Тютчева). Особое место в творчестве Свиридова занимает А. С. Пушкин («Метель», музыка к кинофильму; «Пушкинский венок», произведение для хора). Гениальна по своей простоте кантата «Снег идет» (на стихи Б. Пастернака). Мерный ритм времени, подобно бесконечной русской зиме, завершают слова – обращение к художнику: Ты вечности заложник, У времени в плену.

В творчестве А. Шнитке (католика по вере, изучившего многие духовные практики), проявилась яркая авторская индивидуальность. Она была подобна устремлениям духа в эпоху Ренессанса с ее неистовым антропоцентризмом и могла зародиться только в западноевропейской культуре. В рамках авангардистских экспериментов А. Шнитке сознательно разрушает сложившиеся каноны в музыке, используя различные постмодернистские техники («Концерто-гроссо»). Работая в стиле «полистилизма», А. Шнитке создал более 200 произведений различных жанров, в том числе, создавал музыку к кинофильмам. Среди них – «Белорусский вокзал», «Комиссар», «Агония», «Восхождение», «Фантазии Фарятьева», мультфильм «Стеклянная гармоника».

«Музыка – это подслушанные крики времени», – напишет А. Шнитке в качестве эпиграфа к дипломному сочинению (оратория «Нагасаки»). Если в музыке Г. Свиридова слышны философские размышления о судьбах России, то у А. Шнитке – размышления о судьбах европейской цивилиза-

ции. Шнитке получил европейское признание – он являлся членом многих европейских академий, в том числе, Баварской академии изящных искусств, шведской Королевской академии.

Кинематограф 1960-х – 1980-х гг. соединил в своем пространстве лучших представителей творческой интеллигенции. Среди режиссеров отечественного кино трудно даже выделить отдельных его представителей. Однако дарование А. Тарковского поистине уникально. Оно поражает своей философской глубиной, масштабностью мышления, художественной образностью, своеобразием кинематографического языка. В его творчестве органично переплелись русское (российское), европейское и мировое искусство. А. Тарковскому оказались подвластны не только драматические исторические полотна («Андрей Рублев»), фильмы-притчи («Солярис»), психологические фильмы («Зеркало»), но и фильмы, которые за внешней фантастической фабулой ставили вселенского масштаба проблемы духовного преображения человека («Сталкер»). Если бы отмеченная эпоха оставила потомкам творчество одного А. Тарковского, мы вряд ли бы имели право называть ее «эпохой застоя». Однако общество опередило в своей зрелости политическую элиту, которая оказалась неспособной на реформаторский прорыв. Нет пророка в своем отечестве. Как и многие другие, А. Тарковский ушел из жизни за пределами Отечества.

Духовные зерна обновления общества, посеянные в эту эпоху, дали всходы только в 1990-е гг. Как отмечают исследователи, «интеллигенция оказалась катализатором революционных по своей сути процессов, а демократы 1980-х – 1990-х гг. объединяли интеллектуальный цвет гуманитарной интеллигенции» [10, с. 186]. К несчастью обеих сторон, «революционные процессы» оказались «великой иллюзией», и не только гуманитарная, но и интеллигенция в целом, выполнив свою историческую миссию, оказалась забыта политической элитой.

Библиографический список

1. Абрамов Р. Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99 - 111.
2. Богданова О. В. Современная русская классика: духовные традиции отечественной прозы второй половины XX века // Вестник РХГА. 2016. Т. 17. №3. С. 301 - 311. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27486447>
3. Бродель Ф. Предисловие к первому изданию // Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496.
4. Ващук А. С., Булдыгера Л. Н. Политическая элита СССР во 2-м пол. 1960-х – 1970-е гг. и ее влияние на социально-экономическое развитие страны. // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2015. № 1. С. 105-118. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24910316>
5. Гуревич А. Я. Подводя итоги. (Теория и практики исторического познания. Сквозь призму индивидуального опыта ученого XX столетия). // XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2001. - 240 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21632746&>

6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. - М.: Изд-во ЭКСМО, 2003. - 640 с.
7. Зинченко А. В. Ностальгия: диалог памяти и знания. // Культурно-историческая психология. 2009. № 2. С. 77 – 85. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12860768>
8. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. - 568 с.
9. Меняющаяся социальность: контуры будущего / РАН, Ин-т философии. М., ИФРАН, 2012. - 267 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23423658>
10. Никонова С. И. Власть и интеллигенция: взаимодействие и (или) конфронтация (1965–1985 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-3 (60). С. 179 - 186. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12954656>
11. Пастухов В. Б. Шаг назад, два шага вперед (Русское общество и государство в межкультурном пространстве). Полис. Политические исследования. 2005. № 6 с. 66 - 91.
12. Хакимов Г. А. «Время большой длительности» Фернана Броделя как методологический принцип социально-гуманитарного познания» // Вопросы философии. 2009. № 8. с. 135 – 146.
13. Хакимов Р. С. Пространство как административная территория // Tatarica. 2013. № 1. С. 147 – 157. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21956253>
14. Чернолуцкая Е. Н. А была ли «Стагнация»? Переосмысление причин советской перестройки на Западе в 2000-е гг. // Россия и АТР. 2015. №4 (90). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25923472>
15. Ястребицкая А. Л. О культур-диалогической природе историографического: Взгляд из 90-х // XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2001. - 240 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21632745>

ЗНАЧЕНИЕ ИДЕИ НАРОДНОСТИ К. Д. УШИНСКОГО ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. Ю. Гусева
Т. И. Тесленко
Н. Ю. Рустамова
Р. Ф. Янбухтина

*Старший воспитатель,
 воспитатель,
 воспитатель,
 учитель-логопед,
 Детский сад № 47,
 г. Стерлитамак,
 Республика Башкортостан, Россия*

Summary. The article is devoted to the idea of nationality in education put forward by K. D. Ushinsky. The authors reveal the importance of the ideas of K. D. Ushinsky for modern education, considering training and education in the spirit of folk culture as the basis of successful socialization. Special attention is paid to the account of ethno-cultural and geo-ethnic features in the modeling of the educational process.

Keywords: the idea of nationality; education; national ideology; ethno-cultural features.

Современное образование, направленное на формирование разносторонне развитой, образованной, гуманной и нравственной личности, характеризуется напряженным поиском национально-культурной идентичности различных народов, новых ориентиров развития культуры и образования.

Это обуславливает необходимость обращения к истокам отечественной педагогики с целью осмысления ее идеалов, духовных и культурных ценностей, а также их использование в современных социокультурных и психолого-педагогических процессах.

На этом фоне весьма актуальным становится развитие в отечественном образовании идеи народности, обращенной к истокам народной культуры и опирающейся на ее национальное своеобразие и особенности менталитета народа.

Одним из ярких представителей отечественной педагогики, обратившим внимание на важность воспитания детей в духе народной культуры, был Константин Дмитриевич Ушинский.

Выдвинув идею народности как ведущую в своей педагогической теории, К. Д. Ушинский попытался показать, что народ не есть целое. Он понимал, что в жизни воспитание должно быть неодинаково для разных социальных групп. Оторванное от народных, национальных корней воспитание, по его словам, не только отрывает отдельные социальные группы от народа, но и противопоставляет их ему. Только народное воспитание, сложившееся веками, сохраняет самобытность и неповторимость. «Напрасно мы хотим, – писал К. Д. Ушинский, – выдумать воспитание: воспитание существует в русском народе столько же веков, сколько существует сам народ, – с ним родилось, с ним выросло, отразило в себе всю его историю, все его лучшие и худшие качества. Это почва, из которой вырастали новые поколения России, сменяя одно другим».

Принцип народности связан и с задачами формирования личности, и с воспитанием у детей любви к родине, своему отечеству, гуманности, правдивости, трудолюбия, ответственности, чувства долга, воли, чувства самолюбия в его правильном понимании, эстетического отношения к жизни. Все эти качества исходят от народа и соотносятся с его характером и традициями, помогают формировать национальное самосознание народа.

Целевые установки воспитания педагог отразил в своих «требованиях национального воспитания», которые включали в себя следующие положения: общей системы народного воспитания не существует не только на практике, но и в теории, и германская теория есть не более как теория немецкого воспитания; у каждого народа своя особенная система воспитания, потому заимствование одним народом у другого воспитательных систем становится невозможным; опыт других народов в деле воспитания есть драгоценное наследие для всех, но точно в том же смысле, в котором опыты всемирной истории принадлежат всем народам. Как нельзя жить по образцу другого народа, точно так же нельзя воспитываться по чужой педагогической системе, как бы она ни была стройна и хорошо обдумана. Каждый народ в этом отношении должен «пытать свои собственные силы»; наука не должна быть смешиваема с воспитанием. Она является «общей для всех народов и не для всех людей составляет цель и результаты жизни»; общественное воспитание не решает само вопросов жизни и «не

ведет за собой истории, но следует за нею». Не педагогика и не педагоги, а сам народ и его великие люди прокладывают дорогу в будущее; «воспитание только идет по этой дороге», и, «действуя заодно с другими общественными силами, помогает идти по ней» отдельным личностям и новым поколениям.

Ушинский К. Д. намного опередил современную ему педагогику. «Человек, – писал он, – владеет далеко не всеми силами и способностями, которые скрываются в его нервном организме, только немногие из этой богатой сокровищницы принадлежат собственно человеку, и именно то, что он покорил своему сознанию и своей воле и чем, следовательно, может распоряжаться по своему желанию». Этот логический, вытекающий из всех исследований Ушинский К. Д. вывод остается педагогическим идеалом и для нашего времени.

Библиографический список

1. Андреева, И.Н. История образования и педагогической мысли за рубежом и в России – М.: Академия, 2002. – 414 с.
2. Гоначаров, Н.К. Педагогическая система Ушинского К.Д. – М.: Педагогика, 1974. – 145-156с.
3. Егоров, С.Ф. Введение в историю дошкольной педагогики: Учеб. Пособие для студ. Пед. Вузов – М.: Академия, 2001. – 317с.
4. Егоров, С.Ф. Ушинский К.Д.: Наука и искусство воспитания – М.: Б.И., 1994. – 205с.

ПЛЕНЭРНАЯ ОПЕРА В КИТАЕ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ч. Ли

*Магистр искусствоведения, аспирант,
Белорусского государственного
университета культуры и искусств,
г. Минск, Беларусь*

Summary. This article introduces the different views of Chinese researchers on landscape operas and the complex process of demonstrating this new form of theatre entertainment culture. The innovation of landscape opera in the field of Chinese drama art is remarkable, and it is an open-air form of drama performance, which is also inspiring for other open-air performances in the future.

Keywords: open-air performances; open air operas; Audience; stage.

Популярные в XXI столетии в Китае широкомасштабные музыкально-театральные представления на пленэре – на водной глади озер, у подножия величественных гор, в долинах и ущельях, на фоне храмов и монастырей – имели своим предшественником постановки классических опер на открытом пространстве, «пленэрных опер». Отношение к этим постановкам в Китае было неоднозначным. В данной статье приводятся различ-

ные точки зрения китайских исследователей на феномен пленэрной оперы, показывается сложный процесс принятия этой новой формы театральной зрелищной культуры.

Большой резонанс вызвала в Китае постановка оперы Дж. Верди «Аида» на стадионах Шанхая (2000 г.) и Пекина (2003 г.). В 2001 г. доцент Шанхайского театрального института Хань Шэнь опубликовал в научном вестнике института статью «Композиция и понятие театрального пространства в крупномасштабной пленэрной опере «Аида» [1], в которой автор анализирует факторы успеха и значение данного спектакля. Хань Шэнь отмечает, что в пленэрных операх окружающая обстановка в качестве театрального пространства выступает особо важным элементом для создания различных стилей исполнительского искусства, а художественное оформление сцены и визуальные образы являются наиболее яркой особенностью, присущей тому или иному представлению. Пространство выступает одной из отправных точек для творчества современных драматургов, и в настоящее время театр переходит к более богатым и разнообразным пространственным формам.

В 2003 г. научный руководитель докторантов Института музыки Китайского исследовательского института искусства Хань Чжунэнь в статье «Толкование отличного от оригинала смысла пекинской версии мировой крупномасштабной пленэрной оперы «Аида» [2] приводит более подробное описание поставленной на Пекинском стадионе «Пролетарий» оперы «Аида». Исходя из площади сцены, элементов композиции и других аспектов, автор подчеркивает важность освещения на крупномасштабных площадках театральных представлений. На примере китайской постановки оперы Дж. Верди автор также поднимает вопрос о развитии гуманитарных ресурсов народных масс, считая, что подобные постановки позволяют простым зрителям более тесно соприкоснуться с мировым искусством, или, иными словами, помогают сократить дистанцию между высоким искусством и простым народом.

В статьях, опубликованных в газетах «Гунжэнь жибао» [3], «Китайская культура» [4], отмечается, что благодаря блестящему составу артистов и особенностям построения композиции огромной сцены создается несравненная сила художественного воздействия пленэрной оперы, поставленной в особо крупномасштабном пространстве.

В то же время опубликованная в газете «Китайское искусство» статья «Пленэрная опера: пейзаж или опера» представляет противоположный взгляд на данный феномен [5]. Журналист Дин Цзе, взяв интервью у четырёх специалистов и обобщив их точки зрения, сделал вывод о том, что крупномасштабные пленэрные оперы не должны и не могут стать ведущей тенденцией оперного искусства, и тем более они не могут стать направлением развития сценического искусства, так как наслаждение оперой в театре, несомненно, превосходит эффект пленэрной оперы. По мнению автора, нельзя допускать к постановке пленэрной оперы режиссёров, которые не

являются специалистами в области оперного искусства, так как они, делая акцент на великолепном оформлении сцены и иных аспектах, игнорируют такие элементы оперного искусства, как увертюра, арии, дуэты или хор.

Наиболее объективный и всесторонний критический обзор пленэрных опер приводится в работе Сунь Юэмэя «Пленэрная опера: что ты нам принесёшь?» (2004) [6], в которой автор также описывает пленэрную оперу «Аида», поставленную на Пекинском стадионе «Пролетарий». Сунь Юэмэй высказывает точку зрения о том, что появление крупномасштабных пленэрных опер привнесло в развитие традиционного сценического искусства некоторые новые формы выражения, обогатившие его, но в то же время и бросившие ему вызов. С помощью иллюстраций автор статьи наглядно показывает, что в пленэрной опере практически не чувствуется дистанция между публикой и сценой, что придаёт зрителям ощущение личного присутствия и погружения в действие оперы. Особенно подробно автор описывает торжественную процессию огромного войска и настоящих лошадей, львов, тигров, слонов и других животных вокруг площадки стадиона в первом действии оперы, а также запускаемые в небо фейерверки на протяжении всего театрального представления. Особенность подхода автора заключается в том, что он чётко изложил проблему угла зрения при просмотре пленэрной оперы, а именно, его трёхмерный характер: сверху и снизу, справа и слева действие окружено тщательно продуманными элементами окружающего пейзажа, обозначающими ту или иную сцену и обстановку, в которой происходят действия. Иными словами, вместо двухмерного полукруглого угла зрения при просмотре оперы на традиционной сцене используется панорамный трёхмерный угол зрения.

Статья Сунь Юэмэя представляется нам наиболее объективной. Он справедливо отмечает, что несмотря на то, что содержание сюжета пленэрной оперы «Аида» не отличается от одноименной традиционной сценической оперы, вследствие использования грандиозных и величественных массовых сцен, в ней не настолько глубоко проявляются сложные душевные переживания и эмоциональные конфликты главных персонажей, ослабевает их драматичность и музыкальность. В конце статьи автор делает вывод о том, что пленэрные оперы – это продукт новой эпохи, который приносит зрителю совершенно новое сочетание визуального и слухового воздействия, предоставляя большую свободу, гибкость и вариативность зрительного восприятия. На уровне эстетики создатели пленэрных опер стараются сократить дистанцию между искусством и реальной жизнью, сделать искусство более массовым, облегчить его понимание и принятие простыми зрителями.

Внимание научной общественности Китая привлекли постановки еще двух пленэрных опер: «Кармен» и «Турандот». Автор статьи, опубликованной в журнале «Театральное оборудование и техника» [7], Чжоу Цзяньхуэй, рассказывая о пленэрной опере «Кармен», поставленной на Шанхайском стадионе в 2004 г., приводит некоторые цифры: сценой для

представления стал стадион площадью 20 тыс. м², было задействовано более 800 артистов, не считая музыкантов Шанхайского филармонического оркестра, детский хор в составе 60 человек и большой хор в составе 76 человек, а на трибунах было свыше 55000 зрителей. В данной статье затрагивается сложнейшая проблема звука в пленэрных спектаклях. Автор подробно разъясняет сложность обстановки Шанхайского стадиона и трудности настройки звука, в том числе использование программы MEYER-SOUNDMAPP для моделирования акустической системы, расчёта необходимого количества громкоговорителей и определения порядка расположения колонок для полного охвата зрительного зала. Автор также объясняет, каким образом звукорежиссёрам удалось с помощью профессиональной системы настройки звука и модулей передачи сигналов высококачественно передать звук оперного искусства на весьма обширной площадке под открытым небом.

В 2009 г. была опубликована научная статья преподавателя Шэньсийского политехнического института Ли Цзичао «Элементы китайской культуры и искусства в крупномасштабной пленэрной опере «Турандот» на стадионе «Птичье гнездо» [8]. Эта опера была поставлена в 2009 г. на Пекинском национальном стадионе «Птичье гнездо». Китайским национальным колоритом, как считает автор, данная опера обладала не только потому, что в ее сюжете есть китайские мотивы. Так, для усиления исторической и национальной достоверности в костюмы были добавлены элементы подлинности: например, за основу для создания костюма императора был взят жёлтый халат, найденный при раскопках могилы Динлин династии Мин, с применением художественной обработки. Что касается характера персонажей, режиссёр также внёс некоторые характерные китайские черты в поведение, характер, понимание любви и ненависти Турандот. Автор считает, что эта пленэрная опера позволит жителям других стран лучше познакомиться с культурой Китая, а образ Турандот приобретёт более яркие черты китайской принцессы, что более полно раскроет особенности национальной культуры и искусства.

Совершенно иную позицию занимает автор статьи «Безумное увлечение “китайскими принцессами”: размышления о пленэрной опере в современном Китае» [9], опубликованной в 2009 г. в журнале «Опера». Он высказывает резкую критику и даёт отрицательную оценку пленэрной опере «Турандот», поставленной режиссёром Чжан Имоу на Пекинском национальном стадионе «Птичье гнездо». Бу Чжи считает, что режиссёр весьма слабо понимает оперное искусство и действует крайне неосторожно по отношению к тонкостям музыки. Те части представления, в которых задействовано большое количество артистов, автор критической статьи иронично называет «массовыми спортивно-художественными выступлениями». Он высказывает мысль о том, что большинство классических опер из-за своей обстановки, сюжета, степени сложности, известности и других факторов совершенно не подходит для пленэрного исполнения. Автор полага-

ет, что из-за весьма обширного масштаба пленэрных опер зрителям трудно рассмотреть всё богатство деталей и насладиться настоящим оперным искусством так же, как в оперном театре.

Таким образом, очевидно, что пленэрная опера – явление неоднозначное, достаточно спорное, вызвавшее как положительные, так и отрицательные оценки исследователей. Тем не менее, она сыграла важную роль в китайском театральном искусстве, положив начало возникновению нового жанра пленэрных музыкально-театральных постановок в Китае, создающихся специально для исполнения на определенных, значимых для культуры страны историко-ландшафтных «природных сценах» и достигших в настоящее время высочайшего уровня развития.

Библиографический список

1. 韩生. 大型景观歌剧《阿依达》的设计及其戏剧空间观念[J]. 戏剧艺术, 2001(01): 46. = Хань, Шэн. Композиция и понятие театрального пространства в крупномасштабной пленэрной опере «Аида» / Шэн Хань // Драматическое искусство. – 2001. – № 1. – С. 46.
2. 韩忠恩. 读解北京版世界超大型景观歌剧《阿依达》的非原本意义[J]. 人民音乐, 2003(11). = Хань, Чжунэнь. Толкование отличного от оригинала смысла пекинской версии мировой крупномасштабной пленэрной оперы «Аида» / Чжунэнь Хань // Народная музыка. – 2003. – № 11. С. 58 – 59.
3. 盛明富. 超大型景观歌剧《阿依达》将亮相北京[N]. 工人日报, 2003 – 08 – 22. = Шэн, Минфу. В Пекине будет показана крупномасштабная пленэрная опера «Аида» / Минфу Шэн // Ежедневная Рабочая Газета. – 2003. – 22 авг.
4. 卜键. 高科技让歌剧也疯狂——大型景观歌剧《阿依达》规模空前[N]. 中国文化报, 2003 – 09 – 05. = Бу, Цзянь. Высокие технологии сводят с ума даже оперу: небывалый масштаб пленэрной оперы «Аида» / Цзянь Бу // Китайская культурная газета. – 2003. – 05 сен.
5. 丁洁. 景观歌剧：景观还是歌剧[N]. 中国艺术报, 2003 – 09 – 26. = Дин, Цзе. Пленэрная опера: пейзаж или опера / Цзе Дин // Китайская художественная газета. – 2003. – 26 сен.
6. 孙悦湄. 景观歌剧：你带给我们什么？[J]. 艺术评论, 2004(01): 26 – 29. = Сунь, Юемэй. Пленэрная опера: что ты нам принесёшь? / Юемэй Сунь // Искусствоведение. – 2004. – № 1. – С. 26 – 29.
7. 周建辉. 超级景观歌剧《卡门》[J]. 演艺设备与科技, 2004(06): 67 – 90. = Чжоу, Цзяньхуй. Пленэрная опера «Кармен» / Цзяньхуй Чжоу // Оборудование представления и наука. – 2004. – № 6. – С. 67 – 70.
8. 李继超. 鸟巢版大型景观歌剧《图兰朵》中体现的中国艺术文化[J]. 大众文艺, 2009(20): 86 – 87. = Ли, Цзичао. Элементы китайской культуры и искусства в крупномасштабной пленэрной опере «Турандот» на стадионе «Птичье гнездо» / Цзичао Ли // Массовые литературы и искусства. – 2009. – № 20. – С. 86 – 87.
9. 卜之. 走火入魔的“中国公主”——兼谈“景观歌剧”在当代中国[J]. 歌剧, 2009(11): 13 – 15. = Бу, Чжи. Безумное увлечение “китайскими принцессами”: размышления о пленэрной опере в современном Китае / Чжи Бу // Опера. – 2009. – № 11. – С. 13 – 15.

III. BASIC PRINCIPLES OF STATE POLICY IN THE FIELD OF CULTURE

КУРС «СОВРЕМЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ ЕС» И ЕГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

Н. А. Медушевский

*Доктор политических наук, доцент,
Российский государственный
гуманитарный университет (РГГУ),
г. Москва, Россия*

Summary. The media in modern political science is often called forth power – and this is not accidental. Indeed, through the use of information and the means of transmitting it in modern politics, a greater effect is achieved than through violence and persuasion. This policy is especially characteristic of democratic societies, including the society of the European Union, where policies of political and cultural integration are actively pursued. In such conditions, the study of the European information policy, which involves turning to its various features, is of particular importance in the educational process.

Keywords: integration; politics; European Union; media; information flows; analysis.

Информационная политика является важным фактором современного комплексного политического развития общества, особенно если данное общество участвует в интенсивной интеграции. Речь в данном случае идет о европейском союзе, который, во многом, использует информационную политику для преодоления исторической разделенности европейских государств. В таких условиях понимание данной политики и ее аспектов приобретает особую важность, которая раскрывается нами в рамках курса «Современная информационная политика в странах ЕС» Данная программа предназначена для реализации курса у студентов-магистрантов очной формы обучения для магистратуры по направлению 41.03.04 политология.

Программа дисциплины охватывает широкую предметную область, связанную с получением студентами знаний о современных процессах реализации информационной политики на пространстве Европейского союза. В качестве ключевого направления рассматривается официальная система политической пропаганды, реализуемая на общеевропейском уровне, а также практики локальной пропагандистской деятельности на территории отдельных государств ЕС.

Задачами курса являются:

- выработка понимания факторов и проявлений многоаспектности социальных, политических, культурных процессов,

- ознакомление студентов с социальными и политическими аспектами официальной и неофициальной пропагандистской деятельности и ее идеологической включенности,
- ознакомление студентов с альтернативными концепциями и парадигмами, противостоящими практикам государственной пропаганды,
- ознакомление студентов с практикой реальной европейской политики, содержащей в себе апелляцию к практикам информационного управления и манипулирования,
- обучение студентов навыкам поиска национальной и международной статистической информации по профилю курса,
- обучение студентов навыкам интерпретации и анализа профильной текстовой информации с учетом специфики курса.

Предмет курса – изучение практик информационной политики и пропаганды, реализуемых в рамках политического процесса и в социальном контексте на пространстве Европейского Союза, начиная с 1992 года (Маастрихтский договор).

Дисциплина направлена на формирование следующих компетенций:

ОК-2 – готовность действовать в нестандартных ситуациях, нести социальную и этическую ответственность за принятые решения

ПК-17 – способность к воздействию на различные аудитории, политические и социальные группы с целью их политической мобилизации

ПК-18 – способность к созданию публицистических текстов по политической проблематике для СМИ

ПК-12 – способность к использованию политико-управленческих технологий, созданию организационных структур в сфере политики, владение навыками институционального инжиниринга

В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

Знать:

- понятийно-категориальный аппарат основных исследовательских подходов к изучению информационной политики;
- аналитические и прогностические возможности различных подходов;
- сходства и различия региональных исследовательских подходов к реализации информационной политики и пропаганды;
- эволюцию исследовательских подходов к изучению проблемы в исторической перспективе.

Уметь:

- использовать основные исследовательские подходы при анализе информационных и пропагандистских практик на пространстве ЕС;
- определять применимость и эффективность конкретного подхода к определенной проблемной области.

Владеть:

- методами политических исследований для разрешения исследовательских задач;

- навыками участия в исследовательском процессе.

Предметом курса «Современная информационная политика в странах ЕС» является изучение практик информационной политики и пропаганды, реализуемых в рамках политического процесса и в социальном контексте на пространстве Европейского Союза, начиная с 1992 года (Мастрихтский договор).

Содержание дисциплины охватывает круг вопросов, связанных, как с общими знаниями об информационной политике и пропаганде, специфических приемах управления коммуникацией, так и с конкретными европейскими практиками управления обществом через популяризацию определенных идей и ценностей.

Цель курса – подготовить специалиста, обладающего знаниями о современных принципах построения коммуникации на Европейском пространстве, которое представляет собой многосоставное общество, требующее интеграции. Также курс нацелен на обучение студента профессиональным компетенциям, необходимым для реализации исследовательских задач политологической и социологической направленности применительно к изучению европейских политических практик в области информационной политики и пропаганды.

Достижение этой цели делает возможным выход обучающегося на новую ступень исследовательского мышления и позволяет обеспечить переход от формализованной интерпретационной модели анализа пропаганды и информационной политики к неформальной интерпретационной модели, предполагающий совокупность новых взглядов на развитие западной либеральной идеологии.

Задачами курса являются:

1. выработка понимания факторов и проявлений многоаспектности социальных, политических, культурных процессов,
2. ознакомление студентов с социальными и политическими принципами и аспектами информационной политики в ЕС,
3. ознакомление студентов с формальными практиками информационной политики,
4. ознакомление студентов с практикой реальной европейской политики, содержащей в себе апелляцию к культуре толерантности,
5. обучение студентов навыкам поиска национальной и международной статистической информации по профилю курса,
6. обучение студентов навыкам интерпретации и анализа профильной статистической и фактологической информации с учетом специфики курса.

Оригинальность курса состоит в его интегративном характере, в использовании новейших социологических, культурологических и политологических теорий, а также органическом сочетании теоретических основ анализа с навыками и практиками прикладного характера.

Решение задач курса оказывается возможно через привлечение большого корпуса литературы. В числе основной литературы по курсу следует отметить статьи Курышевой Ю. В. «Принципы и стратегии информационной политики ЕС» [1] и «Политика ЕС в информационной сфере: европейская идентичность и культурное разнообразие» [2]; статью Корбат Ф. Е. «Информационная политика и публичная сфера наднациональных институтов Евросоюза как процесс преодоления кризиса легитимности» [3] статьи Медушевского Н. А. «Современная миссия университета: практики Европы, США и России» [4] и «Интерпретация третьей роли университетов на современном этапе» [5] а также статьи ряда других авторов.

Библиографический список

1. Курышева Ю.В. Принципы и стратегии информационной политики ЕС // Вестник Санкт-петербургского университета. Сер. 9. 2007. Вып. 4. Ч. II.
2. Курышева Ю.В. Политика ЕС в информационной сфере: европейская идентичность и культурное разнообразие // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 9: филология. востоковедение. Журналистика. № 1-II. 2008. С. 313-318.
3. Корбат Ф.Е. Информационная политика и публичная сфера наднациональных институтов Евросоюза как процесс преодоления кризиса легитимности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки . №2 . 2014 . С. 20-26.
4. Медушевский Н.А. Современная миссия университета: практики Европы, США и России // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования № 4 (36), 2016.
5. Медушевский Н.А. , Перфильева О.В. Интерпретация третьей роли университетов на современном этапе // Вестник РГГУ. «Серия "Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение"». № 3. 2016. С. 19-32.

IV. CUSTOMS, TRADITIONS, CELEBRATIONS AND HOLIDAYS AS FORMS OF NATIONAL CULTURE

ОБЫЧАИ, ТРАДИЦИИ И ЛЕКСИКА ДРЕВНИХ ИБЕРОВ, ОБНАРУЖИВАЕМЫЕ ПРИ ОПИСАНИИ ИХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАЗДНИКА «КЕЛТИ-БЕЛЕШ»

Ф. Р. Латыпов

*Кандидат технических наук, доцент,
Уфимский государственный
авиационный технический университет,
г. Уфа,
Республика Башкортостан, Россия*

Summary. This paper deals with the analysis of the contents and vocabulary of an Iberian text on the lead plate from Pico de los Ajos (III B) in south-eastern Spain. Using the CECAPF method (*consecutive etymological and combinatorial approximation* with phonetic feedback), the text under consideration has been deciphered, and its contents devoted to the description of the Iberian «Kelti Beles» military sporting festival have been clarified.

Terms given in text III B and also Iberian customs and traditions are compared to similar phenomena occurred among the Turkic peoples of the Volga-Ural region.

Keywords: analysis of an Iberian inscription on the lead plate from south-eastern Spain; lexi-co-cultural parallels between the languages and cultural traditions of the Iberians and the Turkic peoples of the Volga-Ural region.

Третья по значимости (после Древней Греции и Рима) полуостровная цивилизация древнего мира Европы, Иберия, внесла большой вклад в его культуру. Поэтому обычаи, традиции и письменное наследие этого юго-западного уголка Европы в далекие времена привлекают пристальное внимание ученых.

Однозначного мнения относительно происхождения полутора десятка иберийских племен (турдетан, бастетан, контестан, эдетан, илергетов, илисиков, тулусов и др.) до сих пор не существует. Есть лишь совокупность гипотез, основанных на сведениях древних авторов, на данных археологических раскопок и запечатленных в них, достаточно обширном письменном наследии (на металлических пластинах (традиция Древнего Ближнего Востока), на поверхностях бытовой посуды (ваз, тарелок, кратеров и т.д.), на надгробных стелах и камнях).

По мнению большинства ученых, в постледниковый период (это показывают исследования ДНК ранних жителей и домашних животных) [12] Европа заселилась полукочевыми племенами Ближнего Востока и Малой Азии, неиндоевропейцами по языку. Первые индоевропейцы (протогреки, протохетты) появились в Восточной Европе лишь во второй половине

II тыс. до н.э. [14], кельты же, перевалив Уральский хребет, «нарисовались» в Европе лишь I тыс. до н.э. В это время Стоунхендж на Британских островах был уже построен, в Испании уже 1,5 тыс. лет процветала протоиберийская Эль-Аргарская культура, Балканы заселяли, уже обладавшие линейной письменностью минойцы и пеласги (греки на начальной стадии становления своей цивилизации почти 700 лет пользовались их письменностью, все имена древнегреческих богов и мифология имеют неиндоевропейское догреческое происхождение).

Рассматривая многоэтапный процесс миграций и оседания населения на Иберийском полуострове, следует отметить важный этап заселения всей Европы – носителями культуры колоколообразных кубков (ККК) (2800 – 1900 гг. до н.э.). По мнению ведущего исследователя ККК Марии Гимбутас, носители этой кочевой, толерантной к лактозе культуры, появились в Западной Европе из Восточной Европы, включая степи будущей Украины [13].

«Катастрофа бронзового века» Восточного Средиземноморья, связанная с гигантским извержением вулкана на острове Санторин (Тира) в Эгейском море (XVI в. до н.э.) смела с лица земли самую развитую цивилизацию Европы того времени – Минойскую. Стягиваемый в одном центре союз неиндоевропейских народов Восточного Средиземноморья распался: кипро-минойцы, сиро-минойцы, пеласги Пелопоннеса-Эгеиды и асы запада Малой Азии (включая протоэтрусков), устремились на запад, заселяя острова и прибрежные территории Западного Средиземноморья. Часть из этих народов была буквально разорвана на части, например, народ дарданов, одна часть из которых перейдя Дарданеллы создала своё государство западнее Македонии, другая часть ушла глубоко в Азию, достигнув севера Китая (по мнению Фукидида). То же самое произошло с народами пеласгов (Италия – Палестина) [12], асов (Северный Кавказ – Скандинавия) – предков болгар (по заявлениям самих болгар).

«Ветхий Завет» священного писания христиан Библии сообщает о многочисленных, технологически развитых в металлургии и коневодстве, тюркских народах *тогарма/тагарма* на территориях нынешнего Ливана и Сирии в начале II тыс. до н.э. У этрусков и скифов Таг – Тагет имя древнего мудреца (космического посланника), давшего «стартовые» знания в развитии их этносов.

В 1977 году мы разработали фоноэволюционную пратюркскую гипотезу, предполагающую развитие тюркской языковой семьи от носителей Убейдской культуры Древнего Ближнего Востока [3].

В 1980 году, в рамках указанной гипотезы, нами был разработан метод ПЭКФОС (*последовательное этимологическо-комбинаторное приближение с фонетической обратной связью*) для дешифровки древних неиндоевропейских текстов Средиземноморья. В 1981 году нами был получен перевод 2/3 самого протяженного этрусского текста, нанесенного на льняные бинты мумии молодой девушки аристократического происхожде-

ния в IV в. до н.э. в Среднем Египте [6], в связи с выполнением главного этрусского ритуала – человеческого жертвоприношения. Об этом мы доложили в 1982 году в докладе на IX тюркологической конференции по диалектологии в БашГУ и на научной конференции в 1983 году в Ленинграде в Эрмитаже [1]. В 1988 году, при физико-химических исследованиях Загребской мумии этой этрусской девушки (этриск. *xiś cis*, принесенной в жертву богу *Tin*) в лабораториях Словении и Австрии были обнаружены 5 вещественных доказательств того, что наш перевод 1981 года соответствует действительности. Об этом мы доложили на международном этрускологическом коллоквиуме в Москве, в ГМИИ им. А. С. Пушкина в 1990 году [2]. Далее, были осуществлены переводы крупнейших этрусских текстов на русский и итальянский языки [3, 7, 8], и соответствующие материалы были переданы в Институт этрускологических исследований во Флоренции (в 2013 г.).

В 2006 году наше внимание привлекла иберийская надпись из Ла-Серрета-де-Алькой на юго-востоке Испании, выполненная на свинцовой пластине. Лингвистический анализ этой надписи обнаружил признаки генетического родства этого диалекта иберийского языка с этрусским (установленные нами их самоназвание *tarc*) языком [4]. Углубляясь в изучение иберийских текстов, к 2016 году мы получили переводы более десятка крупных иберийских текстов на русский и испанский языки [9].

В 2018 году, после очередной поездки в Испанию, мы дополнили нашу коллекцию иберийских надписей, найденных в провинции Валенсия на юго-востоке Испании. Рассматривая этот материал, мы обратили внимание на то, что на ряде надписей на свинцовых пластинах, найденных у населенного пункта Пико-де-лос-Ахос (I D и III A, B) [16], содержатся словосочетания *keltibeleś*.

Слово *beleś* нам попадалось ранее в этрусских (более древних) текстах в форме *peleś* в надписях на широких блюдах в виде *peleśnaś*, что в нашем переводе означало: «Для ПЕЛЕШей». В иберийских этнонедагогических трактатах (городок Печ Махо на юге Франции) встречалось и словосочетание *beleśbaś*, которое мы идентифицировали как саркастический эпитет [10], используемый при описании распоясавшихся банд хулиганствующих молодчиков (результат социальных потрясений населения из-за 200 лет непрерывных войн III–I вв. до н.э. в Испании): «микино (курник)-головые». Оказалось, национальное блюдо нынешних народов Поволжья – Урала (казанских тюрков, мишарей и башкир) ранее было широко распространено как у иберов так и у этрусков.

На рис. 1 мы приводим карту мест обнаружения испанскими археологами осколков широких блюд с надписью БЕЛЕШ и один из фрагментов такого блюда с полуслоговой иберийской надписью

(be)(le)ś [15]:

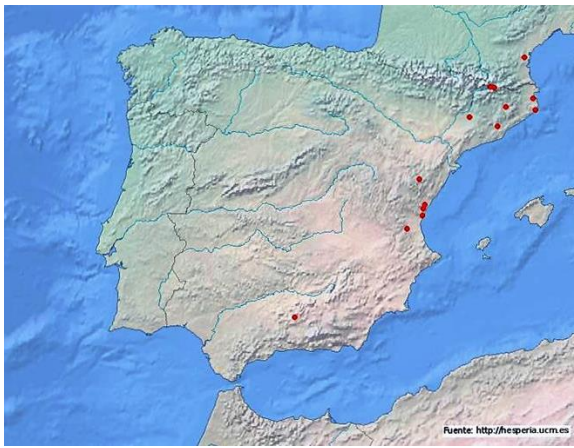

Рис. 1. Карта мест обнаружения испанскими археологами осколков широких блюдец с надписью БЕЛЕШ и один из фрагментов такого блюда с полуслоговой иберийской надписью (be)(le)ś [15].

На рис. 2. мы приводим прорисовку иберийской надписи III В, из Пико-де-лос-Ахоса выполненную сотрудниками Музея предистории Валенсии [16].

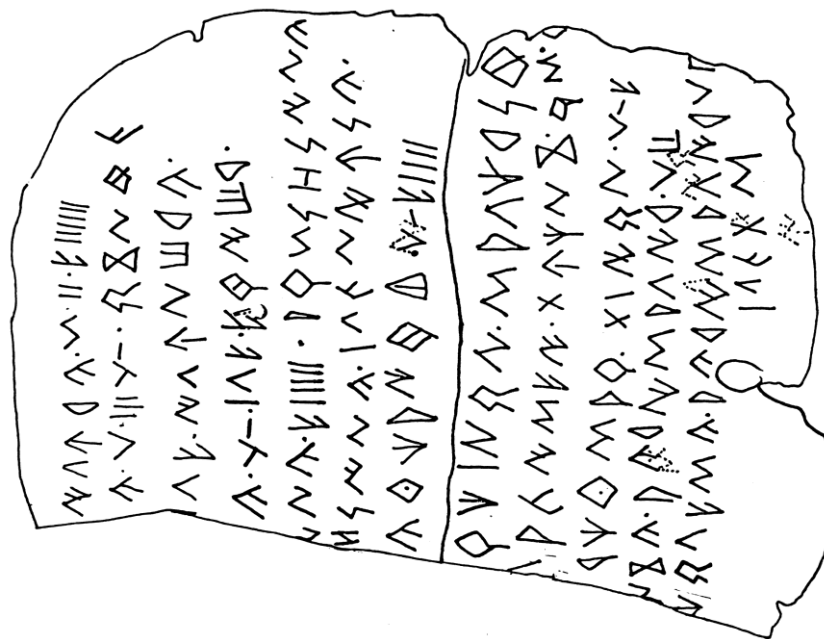

Рис. 2. Прорисовка иберийской надписи III В из Пико-де-Лос-Ахоса, выполненная сотрудниками Музея предистории Валенсии [18].

На страницах 21 и 22 каталога «Textos ibericos...» [18] приводятся варианты транслитерации рассматриваемых текстов на латинскую форму письма, осуществленные испанскими исследователями. Мы тщательно перепроверили их вариант транслитерации и отметили ту незначительную разницу, которая наблюдается с нашим вариантом транслитерации этой «ориенталистской» разновидностью иберийского письма.

В этой серии иберийских надписей из Пико-де-Лос-Ахоса для понимания предметно-сюжетного содержания текстов ключевым оказалось

слово **beigia** «соревнования». Слово **kelti** в казанско-тюрском (татарском) языке Поволжья близко к слову **keltä** «сноп, вязанка, куча». Проведя смысловую увязку слов **beigi** и **kelti-beleş** можно догадаться, что возможно, здесь речь идет о горе *бэлешей*, которыми награждали участников иберийского национального праздника «Келти–Белеш». Этому предположению соответствует и перевод текста III В из Пико-де-лос-Ахоса, полученный нами построчно:

1. «Для посвящения (во взрослую жизнь (?), в войны (?)) полностью экипированных (?) (**gi**) – 2 (двое), легко экипированных – 6 (шестеро) (**e**),
2. всего числом 8, очень страждущих успеха (**bec on tece**).
3. «мальцов» (молодых юношей **bale**) для испытания в условиях приближенных к реальным (**iluntor-ca**).
4. ...для (приобретения навыка...) и в будущем доведения (**eteitor**) юношей (**bale**) до (качеств).
5. настоящего воина (**sosin-ca**), включая 5 этих оборванцев, до состояния яростного (**arği**) воина (**sosin-ca**),
6. до настоящего воина (**sosin-ca**), с блестящей профессиональной хваткой (**balke-nius-ca**),
7. как говорится (**de**) «закаленного в боях» (**cacu-**) всех их, включая этих совсем легко экипированных 4-х (**v.-e.4**),
8. «отметеленных» (избито-испичанных **bař-tibanben**) в репетиционном сражении (**řaktirs-te**),
9. еще пускающих слезу (**ělakei-řei**), впервые оказавшихся на грани предстать перед Всевышним... (**Tin cořs**),
10. еще не остывшие от пыла сражения (**tabaiben**), мстительно-озлобившихся (**uřař**),
11. (но) должных иметь волю к победе (**la-[ě]nico-ca**), которые обучение, как правило, должны получить (**acariř alir**) во время причастности (допуска к участию)
12. к празднику «Келти–Белеш» (**kelti-beleş**) и (думается) обучение получают (весьма полезное).
13. Осветитель и соучастник события (**balketař**)».

Ключевыми словами этого текста, на наш взгляд, являются: **cacu** «закаленный», **sosin** «воин» (в тексте «Бронзы Асколи» [9, с. 170] сложносоставная композиция **Cacusosin** выступает как имя нарицательное одного из улан конного эскадрона иберов-наемников **turma** в войсках Цезаря). Этимологически корень иберийского слова **so-** связан с др.-тюрк. **su-** «воевать», а слово **kak** в тюркских языках Урало-Поволжья означает обжигаемую на солнце пастилу из фруктов. Другими важными словами в рассматриваемом тексте служат такие лексемы: **bale** «малец, совсем юный» (ср. башкир. **bälä-käi** «маленький», **bala** «ребенок»), **acariř** «обучение» (ср. этруск. **acařri** «учение», тюрк. **uku-**, **oku-** «чтение, обучение»), **eteitor** «будут доведены» (этруск. **et-** «сопровождать, вести, пасти»), **on** «успех, пра-

вильность» (этруск. **un**, **Unia** «успех, богиня Праведность, Плодородия (др.-тюрк. *Умай*)», тюрк. **uŋ** «– // – », **beleś** «большой пирог-курник с потрохами»).

На основе полученного перевода тестов I D, III A,B мы реконструировали картину награждения молодых (**bale**) воинов комиссией из опытных воинов, в сопровождении кураторов (они показаны сидящими на конях, см. рис. 3).

Призовой фонд из бэлешей стоит на двухэтажном столе (этруск. **iθal** [7, с. 33]), показанном справа внизу на рисунке 3.

Таким образом, современный праздник завершения весеннего сева «Сабантуй» у народов Поволжья – Урала имеет параллель в Древней Испании и в олимпийских играх пеласгов Древней Греции (гора Олимп в пеласгском языке звучала как *Alyr* «Высокая, Гора-Великан» (см. также горы Альпы на севере Италии). Думается, догреческое название столицы *Аттики* (в пеласгск. яз. *Attik* «Отечество») *Pelar* (позже ставшей Афинами) связано с древним наименованием первой столицы Волжской Булгарии **Pelar** (ныне **Биляр**, находящийся в 140 км на юго-восток от Казани [5, 12].

В своё время город Биляр был крупнейшим городом Европы, который войскам Батыя пришлось штурмовать целый год, в то время как Киев и Москва были взяты за несколько недель. Булгары свое происхождение связывали со страной Асия на западе Малой Азии и Балканами.

Рис. 3. Реконструированная нами картина награждения молодых (*bale*) воинов комиссией из опытных воинов, в сопровождении кураторов на конях.

Вывод:

Обычаи, традиции и лексика древних иберов по изученным текстам из Пико-де-Лос-Ахоса (I D и III A,B) обнаруживают сходства с обычаями, традициями и лексикой современных народов Поволжья – Урала и Казах-

стана. Уникальность иберийского языка состоит в том, что за счет социальных потрясений и войн, охвативших Иберийский полуостров в III – I вв. до н.э., иберийский язык ускоренно эволюционировал, из глубины веков догнав в своем развитии тюркские языки кыпчакской подгруппы, приблизившись к современным тюркским языкам Северного Кавказа и к турецкому языку. Жители же Поволжья в наиболее полном виде сохранили обрядовые традиции и праздники реликтового населения Европы периода неолита, бронзового и железного веков.

Библиографический список

1. Латыпов Ф.Р. Пратюркские черты этрусского языка в связи с ностратической теорией // Кратк. тез. докл. науч. конф.: Древние культуры Евразии и античная цивилизация. – Л-д: Изд. Гос. Эрмитажа, 1983. – С. 55-57.
2. Латыпов Ф.Р. Загребская мумия – возможный свидетель апофеоза этрусского обряда человеческого жертвоприношения // Тез. докл. Междунар. colloquium: Этруски в из-и с народами Средиземноморья. Миф. Религия. Искусство. – М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1990. – С. 42-44.
3. Латыпов Ф.Р. Исследование этрусского и минойского языков на основе фоноэволюционной пратюркской гипотезы и комбинаторно-частотных методов. – Уфа: Китап, 1999. – 276 с.
4. Латыпов Ф.Р. Некоторые этрусские параллели в языке иберийской надписи на свинцовой пластине из Ла-Серрета-де-Алькой // Сб. матер. науч.-практич. конф., посвящ. 80-летию академика М.З. Закиева. – Sterlitamak: Sterlitamak gos. ped. akademiya, 2008. – С. 174-176.
5. Латыпов Ф.Р. Пеларги древней Греции и первая столица Волжской Булгарии * Пелар (Биляр), их возможная взаимосвязь // Сб. матер. Междунар. тюркологич. конф., посвящ. памяти профессора КУ Д.Г. Тумашевой: Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков. – Казань: Отечество, 2011. – С. 387-390.
6. Латыпов Ф.Р. Фрагменты текста Загребской мумии об обряде человеческого жертвоприношения (IV в. до н.э., Египет): тайные замыслы этрусской элиты // Проблемы востоковедения. – 2014. – №3. – С. 87-91.
7. Латыпов Ф.Р. Общие сведения, основные группы слов и дословные переводы крупнейших этрусских текстов на русский, английский и итальянские языки. – Уфа: Полиграфдизайн, 2014. – 152 с.
8. Латыпов Ф.Р. Идеоматика языка в надписях пратюрков Западного Средиземноморья: от безудержного веселья до мрачного ощущения трагичности бытия // Матер. Междунар. науч.-практич. конф.: Сохранение и развитие языков в поликультурном и поликонфессиональном обществе. – Казань: КГУ, 2015. – С. 113-117.
9. Латыпов Ф.Р. Иберийские языки Древней Испании – результат ускоренного фонетического развития некоторых пратюркских языков Западного Средиземноморья. – Уфа: Полиграфдизайн, 2016. – 152 с.
10. Латыпов Ф.Р. Некоторые саркастические эпитеты в этнопедагогических иберийских трактатах в сопоставлении с материалами якутского языка и других тюркских языков // Сб. матер. всеросс. науч.-практич. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. М.С. Иванова – Багдарыын Сулбэ: Имя. Язык. Этнос. – Якутск: ИГИ и ПМНС СО РАН, 2018. – С. 124-127.
11. Немировский А.И. Этруски. От мифа к истории. – М.: ГРВЛ «Наука», 1983. – 261 с.
12. Хузин Ф.Ш. Биляр – Великий город. – Казань: Тат. книг. издат., 2007. – 48 с.

13. Burger J., Kirchner M., Bramanti B., Haak W. and Thomas MG. Absence of the lactase – persistence – associated in early Neolithic Europeans // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. – 2007. – № 104. – P. 3736 - 3741.
14. Gimbutas M. The civilization of goddess: The World of old Europe. – San Francisco: IBC ed., 1991. – 250 p.
15. Javier Velaza Frios. Cronica epigraphica iberica XII (2014) // *Palaeohispanica* 15 (2015). – P. 249-271.
16. I primi Europei e i loro misteri: Grandi civiltà del Passato. – Milano: Hobby&Work Italiana Editrice, s.r.l., 1996. – 168 p.
17. Martí Noemí Moncunil. Novocientos antropónimos ibéricos // *Palaeohispanica* 16 (2016). – P. 81-94.
18. Textos Ibéricos del Museo de prehistoria de Valencia., Ser. de Trabajos varios, Num. 81. Valencia: Ed. by Diputación de PV, 1985. – 131 p.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2019 ГОДУ**

Дата	Название
15–16 марта 2019 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2019 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2019 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2019 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2019 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2019 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2019 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2019 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2019 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2019 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2019 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2019 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2019 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2019 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
10–11 мая 2019 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2019 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2019 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2019 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2019 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2019 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2019 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2019 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2019 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2019 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2019 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2019 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2019 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2019 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2019 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2019 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2019 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2019 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2019 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2019 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов

28–29 октября 2019 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2019 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2019 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования
5–6 ноября 2019 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2019 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2019 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2019 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2019 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2019 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2019 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2019 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor	• Global Impact Factor – 1,721, • РИНЦ – 0,107.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия)	• Global Impact Factor – 0,915
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия)	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- making an artwork,
- cover design,
- ISBN assignment,
- print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Baku State University

NATIONAL CULTURES IN SOCIAL SPACE AND TIME

Materials of the VI international scientific conference
on March 1–2, 2019

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 04.03.2019.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 3.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosphere.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz